

Нахмурившись, он вышел, разбудил задремавшую девушку, забывшую подбросить дров в печь, и велел ей разжечь огонь. Вернувшись, он поправил одеяло на лежащем человеке и, подняв голову, хотел проверить его лоб, как вдруг увидел, что тот открыл глаза.

Движение Шэнь Аньхуа замерло.

Оуян Цзянь встретился взглядом с Шэнь Аньхуа, затем огляделся вокруг и слегка улыбнулся:

— Я действительно удостоен чести, что сам господин Шэнь лично за мной ухаживает. Другие только мечтают о таком.

Его улыбка заставила сердце Шэнь Аньхуа ёкнуть, и он, забыв о своём намерении, опустил руку, не обращая внимания на привычную игривую речь Оуян Цзяня, и спокойно произнёс:

— Ты очнулся?

Затем он не знал, что сказать. Поблагодарить за спасение или сказать, что уход за ним — это его долг?

Однако Оуян Цзянь на этот раз не собирался просто так отпустить его. Вместо этого он схватил его за руку, усадив на край кровати. Его улыбка исчезла, взгляд стал серьёзным, и, сглотнув, он наконец произнёс:

— Аньхуа, ты можешь... не уходить?

Он признавал, что в то время он действительно не относился к Шэнь Аньхуа слишком серьёзно. Его ухаживания вначале больше походили на игру избалованного молодого человека, и он никогда не думал о последствиях. Никогда не думал, что сможет заполучить этого человека. Даже когда он почувствовал, что тот начинает отвечать ему взаимностью, он не собирался отказываться от своей развратной и распутной жизни, чтобы серьёзно быть с ним.

Но в тот момент, когда Шэнь Аньхуа резко развернулся в доме «Южный ветер», он вдруг услышал, как его сердце разбивается. Тихо, ясно, он услышал, как в его душе падает снег.

Он внезапно понял, что сожалеет.

Но было уже поздно. С того момента, как Шэнь Аньхуа посмотрел на него таким взглядом, он понял, что связь между ними разорвана навсегда.

Он думал, что время сотрёт всё, но позже понял, что не может забыть Шэнь Аньхуа. Целых пять лет он сходил с ума по этому человеку, иногда даже думая, что если Шэнь Аньхуа согласится, он бросит всё, возьмёт деньги и уедет с ним туда, где их никто не знает, чтобы жить спокойно.

Раньше я ошибался, ради тебя я могу измениться. Но можешь ли ты не уходить? Не оставлять меня снова на столько лет? Я не знаю, что будет, если пройдёт ещё пять или десять лет. Я могу действительно сойти с ума.

Можешь ли ты... не уходить?

Шэнь Аньхуа явно не ожидал таких слов. Он сидел в оцепенении, глядя на него, словно видя сквозь пять лет, что разделяли их.

Оуян Цзянь ждал долго, но он всё ещё держал руку Шэнь Аньхуа, лежа и глядя прямо на него,

пока наконец не услышал тихий голос Шэнь Аньхуа:

— Но мы всё равно не сможем быть вместе.

Оуян Цзянь сразу понял, что Шэнь Аньхуа смягчился. Он уже был готов к тому, что тот развернётся и уйдёт, но теперь его охватила радость, и он поспешно сказал:

— Кто сказал, что невозможно? Если есть желание, всё можно сделать. Не волнуйся, я решу всё, что тебя беспокоит. Сейчас у меня уже есть определённые возможности, я могу взять под контроль дела семьи Оуян в столице и сам поеду туда, чтобы быть с тобой. А то, что было раньше, больше не повторится. В столице нас мало кто знает, мы можем начать заново.

«Начать заново? С каким статусом? Он не собирался отказываться от семьи Шэнь, но старейшина Шэнь никогда не позволит ему жениться на мужчине. Что, если старейшина узнает? Даже если его удастся обмануть, что делать, когда придёт время жениться? Кроме того, в столице множество подводных течений, что, если они навредят Оуян Цзяню? И даже если оставить это в стороне, сможет ли сам Оуян Цзянь отказаться от своего образа жизни? Смогут ли они продержаться?»

К этому времени небо уже начинало светлеть, ночь постепенно отступала, тёмно-синий цвет неба становился бледнее, переходя в светлый лазурный оттенок, и слабый свет проникал через окно, освещая бледное лицо лежащего на кровати человека, потерявшего много крови.

В этот момент разум Шэнь Аньхуа внезапно опустел, и все его опасения забылись. Он не мог ничего сказать, его сердце переполняли новые надежды и мечты, словно одно его согласие могло сделать всё возможным.

И так, в этой тишине, Шэнь Аньхуа, держа руку Оуян Цзяня, словно сбросил тяжёлый груз, который долго носил в сердце, и с лёгкой улыбкой едва заметно кивнул.

«Я согласен».

Утро в городе Юнь, только что проснувшимся от сна, уже было полным хаоса.

Прошлой ночью на улице Хунси царил беспорядок, резиденция градоначальника горела, и многие уже почувствовали, что что-то не так. Сегодня утром князь Жуй уже отправил войска, чтобы заблокировать ворота внутреннего города, запретив въезд и выезд. В то же время управление городской стражи патрулировало улицы, выслеживая «подозрительных лиц».

Прошлой ночью братья Гу Хуайюй и Гу Хуайюань, вернувшись домой, постарались не шуметь, чтобы не тревожить Гу Чжунмина и госпожу Бай. Гу Чжунмин узнал о произошедшем только утром. Разведчики Гу Хуайюя, заранее подготовленные, быстрее, чем люди Гу Хуайюаня, донесли новости до Гу Чжунмина, что сильно его удивило.

Хотя слухи о том, что на собрании «Цветы и снег» в этом году будут гости из столицы, ходили уже месяц, и люди в разговорах упоминали, что что-то не так, но у них не было реальных доказательств. Даже Гу Чжунмин не воспринимал это всерьёз, считая это просто слухами — если бы князь Жуй действительно планировал мятеж, разве в столице об этом не знали бы? Почему бы тогда из столицы не прислали людей для ареста князя Жуй?

Когда Гу Хуайюй нанял трёх мастеров меча из мастерской «Первая» за высокую цену, он поначалу не придавал этому большого значения, но, будучи снисходительным к младшему сыну, не обращал внимания на потраченные деньги, считая это просто мерой

предосторожности. Теперь же это оказалось очень кстати.

К этому времени отец и сыновья Гу уже обсудили меры на ближайшее время, и, обращаясь к младшему сыну, пришедшему рано утром, Гу Чжунмин серьёзно спросил:

— Хуайюй, тебе тоже снилось, что князь Жуй... поднимет мятеж?

Гу Хуайюй был готов к этому вопросу и кивнул:

— Да, мне это снилось. Но во сне многое было неясно, я помню только крупные события, а мелкие детали не очень.

Это было правдой, ведь даже если те восемь лет были реальны, он не мог помнить всё в деталях. В последние два года перед смертью он жил в полусне, и воспоминания о тех годах были хаотичны. После перерождения он даже смутно помнил, как пережил те годы, и наиболее ярким воспоминанием был момент, когда он чуть не умер от сильной лихорадки, и даже воспоминания о шести годах дома стали расплывчатыми.

Гу Чжунмин спросил:

— Тогда в твоём сне князь Жуй тоже начал действовать после собрания «Цветы и снег»?

Гу Хуайюй задумался, нахмурившись:

— Нет, это не так. Я точно помню, что князь Жуй поднял восстание через несколько месяцев после собрания. Не знаю, почему это произошло раньше.

Возможно, это... эффект его перерождения?

Гу Чжунмин спросил:

— Ты уверен?

Гу Хуайюй кивнул, собираясь что-то добавить, но в этот момент вошли Гу Цзюдэ с младшей дочерью Гу Ляньфан, и он замолчал.

Гу Чжунмин тоже не стал продолжать разговор. Ведь такие способности Гу Хуайюя, почти пророческие, могли принести больше вреда, чем пользы, если бы стали известны. Семья Гу была богатой и могущественной, и не было необходимости раскрывать особые способности сына. Чтобы избежать неприятностей, каждый раз, когда Гу Чжунмин спрашивал Гу Хуайюя о подобных вещах, он даже отправлял слуг из комнаты.

<http://bllate.org/book/17686/1649985>